

КУЗБАСС

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО КОМИТЕТОВ КПСС, ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

№ 25 (8854).

Пятница, 26 октября 1956 г.

Год издания 35-й.
Цена 20 коп

Проглядели

РАССКАЗ

— Все ясно, товарищи. Будем докладывать. Кто за то, чтобы Леонида Силова исключить из комсомола, прошу поднять руку.

Председатель собрания нетерпеливо постукал карандашом по опустевшему звонкому графиню, взглянул на горю осужден, похоронивших под собой повешенку, и только после этого поднял взгляд столпом ничего не выдавшие глаза. Он не верил, что мог произнести только что сказанные слова. Из комсомола?.. Кого?.. Леонида Силова?.. Лучшего на шахте горняка, мастера на все руки?.. Нет, нет! Нудо останавливать этот бесноватый суд. Растаковать, попросту, настать!..

А между тем руки по его просьбе уже поднимались одна за другой, знакомые, шершавые, жилистые.

1.

Друзья пропалише шутя: — Значит, на Украину? — Леонид не скрывал изумления.

— Конечно, на Украину, — Николай старался не замечать, что друг посмеивается над ним. Ему совсем не хотелось обижаться на друга, особенно сейчас, в минуту расставания. С Леонидом он вырос на одной улице, десять лет прожил за одной партией.

— К абылкам? — не унимался Леонид.

— А хотя бы! Не в Сибирь же, как ты. — Николай поставил к ногам зеленый оксфордский и уголок жестяно самодельный сундучок и посмотрел в сторону паровоза, который извигнул буферами о крайний почтовый вагон.

Спор начался еще две недели тому назад. Друзья решили ехать на шахту. Какая она, знали только по книгам. Когда начали выбирать место будущей работы, мнения разошлись. Сухойлайв неспешно, отчаянный лыжник, Леонид ратовал за Кузбасс:

— Знаешь, какие там зими, какие снега! — горячо убеждал он Николая. — Вернусь с шахты, стану на лыжи а... — Леонид слегка наклонился вперед, приселал и замаячив руками, будто готов был действительно выскочить из

по искрящемуся снежному склону.

Николай кривил губы. Колючки его носа задерживались еще выше, полное лицо становилось совсем круглым, пожимал на колочок, по любимому выражению матери, души нечаявшей в единственном сыночке. Николай, первый юнат школы, и сейчас, пронахав с другом, не скрывал своей любви к садам.

— Что может быть лучше Донбасса! Шахта построит мне дом. Приведу мать. Разведем свой сад, позабуду!

Настражили, слушая ребят, по-смеивались:

— Вы бы о деле. А яблоки и лыжи от вас нигуда не денутся.

2.

Парень поставил у порога чемодан, в какую-то долю минуты оглядел кабинет, его хозяев, ослепая в новой обстановке, по-домашнему попросил в привычно убрачу русую прядь со лба, спрятав рабскую и шапку к столу.

— Мне бы секретаря горкома комсомола.

— Я секретарь. — Не по годам грузный хозяин кабинета поднялся навстречу гостю, и половина скрикнула под ним. — Что у тебя?

— Желание...

— Какое?

— Хочу стать шахтером.

— Что ж, хорошо желание.

Незнакомца с первого взгляда понравился секретарю.

— Знакомся, Леонид. Вот комсорг самой большой на руднике шахты. Пойдешь с ним. Он поможет тебе устроиться на работу.

Вечером секретарь позвонил на шахту:

— Как новичок?

— Пока не удрал. — Секретарь поздравил гостя. — Перецать подтрунивать! Скажи лучше, на каком месте парня рения оценивать. Ему же все в новинку. Помощь надо.

— О его работе еще не думал, — чистосердечно признался комсорг.

— Я сводил его в столовую, накор-

Алексей КОСАРЬ.

мы так ждали, так ждали... Все глаза проглядели, тебя ожидаючи... Вытарагла уголок передника липо и, вздохнув, молча вышла из комнаты.

Нахлынувшие воспоминания не дали Леониду уснуть. «Довольно, — Леонид с трудом прервал немые сердце воспоминавшия. — Этак чего доброго еще разругает».

Он сирпынул с кровати, подошел к расклатому окну. Перед ним, сколько было видно, раскинулся просыпающийся город. Недалеке, возмывшаяся язд домами и деревьями, чуть дымилась черная гора, по-

Комсорг закончил шуткой: — Зачем торопишься? Может, к утру и след новичка простынет.

3.

Леонид не спалось. Предупреждения прозрачная голубизна аивалась в окна просторной комнаты, наподняла ее какой-то не-обыкновенной легкостью, невозмож-стью. И белые мытые простыни, из-под которых были видны взломаченные головы спящих шахтеров, и бабковые одеяла, сложенные вчетверо и развешанные на откидывающихся спинках кроватей, и втажерка с книгами в углу комнаты, и массивный до блеска отполированный радиоприемник на столе у окна, — все, от недавно выкрашенных полов до замысловатой люстры, устремилось навстречу приближающемуся утру.

Леонид, не мигая, смотрел на нежную голубизну. Должно быть, там же вот будут глаза у его любимой девицы! Он столько раз хотел представить ее себе и не мог. Не мог потому, что не знал, какая она будет. Может, похожая на сестренку Галю, что осталась дома в далекой Рязани с матерью-старушкой. А может, еще лучше Гали, если бы-валот лучше...

Чтобы хоть как-нибудь успокоить-ся, Леонид отпернулся от широкого голубоватого окна, зажмурился, уткнув лицо в мягкую подушку подушки. Но разве успев, разве забудеишься, если через глазами одна за другой встают неизбежные картины по-своему беспокойно про-житых девятнадцати лет?

«Что сказал бы отец, глядя на него? Ободрил бы его выбор? Или не посоветовал бы идти в шахтеры?..»

Вспомнилось, как мать по уграм, прежде чем встать за стол, поху-дила к портрету молодого с ко-сетками усами, седлата в простой самодельной рамке над столом и несколько минут, не шевелясь, стояла перед ним, будто намеревалась сказать: «Так и не вернуся... А уж

мы так ждали, так ждали... Все глаза проглядели, тебя ожидаючи... Вытарагла уголок передника липо и, вздохнув, молча вышла из комнаты.

Нахлынувшие воспоминания не дали Леониду уснуть. «Довольно, — Леонид с трудом прервал немые сердце воспоминавшия. — Этак чего доброго еще разругает».

Он сирпынул с кровати, подошел к расклатому окну. Перед ним, сколько было видно, раскинулся просыпающийся город. Недалеке, возмывшаяся язд домами и деревьями, чуть дымилась черная гора, по-

Комсорг закончил шуткой: — Зачем торопишься? Может, к утру и след новичка простынет.

3.

Леонид не спалось. Предупреждения прозрачная голубизна аивалась в окна просторной комнаты, наподняла ее какой-то не-обыкновенной легкостью, невозмож-стью. И белые мытые простыни, из-под которых были видны взломаченные головы спящих шахтеров, и бабковые одеяла, сложенные вчетверо и развешанные на откидывающихся спинках кроватей, и втажерка с книгами в углу комнаты, и массивный до блеска отполированный радиоприемник на столе у окна, — все, от недавно выкрашенных полов до замысловатой люстры, устремилось навстречу приближающемуся утру.

Леонид, не мигая, смотрел на нежную голубизну. Должно быть, там же вот будут глаза у его любимой девицы! Он столько раз хотел представить ее себе и не мог. Не мог потому, что не знал, какая она будет. Может, похожая на сестренку Галю, что осталась дома в далекой Рязани с матерью-старушкой. А может, еще лучше Гали, если бы-валот лучше...

Чтобы хоть как-нибудь успокоить-ся, Леонид отпернулся от широкого голубоватого окна, зажмурился, уткнув лицо в мягкую подушку подушки. Но разве успев, разве забудеишься, если через глазами одна за другой встают неизбежные картины по-своему беспокойно про-житых девятнадцати лет?

«Что сказал бы отец, глядя на него? Ободрил бы его выбор? Или не посоветовал бы идти в шахтеры?..»

Вспомнилось, как мать по уграм, прежде чем встать за стол, поху-дила к портрету молодого с ко-сетками усами, седлата в простой самодельной рамке над столом и несколько минут, не шевелясь, стояла перед ним, будто намеревалась сказать: «Так и не вернуся... А уж

обещание, заглянул в комнату, где вчера посидели новичка, увидел его пустую кровать и произнес вполголоса с досадой: — Значит, все-таки удрал. Я о нем вчера в шутку, а он и впрямь перелетал птица...

— Здравствуй, комсорг! Чего так рано?

Из-под белой простыни вылез обнаженный до пояса забойник, хрюкнув суставами. По рукам и груди забегали буры мускулов.

— Упустили новичка, — попробовал упрекнуть шахтеров комсорг.

хочья на знакомые по книгам египетские иероглифы. Рядом с ней железная вышка. Это террикон и ко-паль — первое, что узнал накануне вечером от шахтера Леонид. Прямо перед ним, во дворе общежития, возлебомаяя площадка, турник.

Увидел и подумал: «Еще бы дорож-жить тем, что...» Обернулся, посмотрел в комнату — ребята спят. Ночью вернулся из шахты. Не будить же скрипом дверей. В один легкий прыжок Леонид очутился за окном.

4.

Утром комсорг шахты зашел в

— А мы и не собирались его дер-жать. Порядочный человек никогда шахты не бросит, — послышалось из другого конца комнаты. — В ле-тухах не нуждеемся.

Парень тряхнул черными, как уголь, волосами и махнул рукой: — Да и новичок, скажу тебе, не ошамит тебя... В коридору бы ему, перимшился под ласковым солнышком чужих борозд. Весенний ветер, правый от запаха молодых трав и первых цветов, успокоивал тогда.

А сейчас тревога росла. «Какая-то она, шахта?» — сляпился предста-

— Да это же циркач! Ей же ей, циркач.

Шахтеры и комсорг бросились к окну.

— Нет, нет вы только поглядите, вы поглядите, — не унимался черно-головой! — Как вам это нравится? Забылшик протер глаза. Но то, что видел, не было сном.

— Ого!

— Вот это да!

— Здорово!!! — раздавались воз-гласы одобрения теперь уже и в других окнах общежития.

А циркач на турнике крутился так быстро, что в глазах рябило. Варуд он остановился на мгновение, отпрыгнул от турника, в воздухе вы-танулся во весь рост и, будто завле-датель, полпыл по кругу, словно крыло ветряной мельницы.

— Да он и «солнце» может! — восхищались затапки. Они хорошо знали, как не легко делать «солнце» на турнике.

«Циркач» облетел еще один круг, выпустил из рук отполированную до блеска перекладную турника и, перевернувшись через голову, мягко спрыгнул на песок.

— Какой же это циркач, — обра-дованный комсорг узнал вчераш-него новичка.

— Леонид, здравствуй! А мы те-бя потеряли...

Пока Леонид возвращался со двора, черноголовый забойник за-крыл окно, перекинул через плечо полотенце и, ни к кому не обраша-ясь, бросил с порога:

А я-то думал, он лыком шитый. По виду не казалось опреде-ленно. Золотое, дружное, не то, что снаружи...

5.

Чем ближе подходили к шахте, тем тревожнее становилось на душе. «Смогу ли», — думал Леонид. Это была не такая тревога, какую испытывал выкрастный постреленник Ленка, ко-гда вместе с другом Колей интер-вально отирали в поле прицепи-ком. Тогда было проше. Еще зимой в мастерскойazole отпаи он привык к трактору, а в поле не сидела глаз с плуга, любилась как он оставлет после себя сразу пять глубоких ды-мищишек под ласковым солнышком чужих борозд. Весенний ветер, правый от запаха молодых трав и первых цветов, успокоивал тогда.

А сейчас тревога росла. «Какая-то она, шахта?» — сляпился предста-

вить себе Леонид. «Только бы не опозориться!» — тревожила он. Разве сравнить сегодняшнее беспок-ойство с давнишним волнением, ле-режатию в то памятное утро, кото-рое не забудется никогда. Не мно-гие из одноклассиков могли управ-лять трактором, как Леонид. Хотя годами и ростом к тому времени о не вынесет, его приняли в трактор-ную бригаду, как равного. А к осе-ни самого молодого в районе трак-ториста можно было ставить про-вель с лучшим.

С того лета Леонид начал быстро взрослеть. Приходилось управляться ни за отца, и за старшего брата, по-бихших на фронте. У матери оста-лось пятеро, и Леонид вскоре стал опорой семьи. Зимой в школе, а ле-том в поле. Иного выбора не хотел. У него хватало сил побороть уста-лость, прогнать ее несней. А сей-час даже стыдно: в незнакомом го-роде он не мог унять тревогу. Шел и повторял про себя: «Могу ли? Был бы рядом Николай, с другим никак не страшно».

Навстречу Леониду шагали горня-ки с ночной смены. Иראהа они перебарывались словами. Казалось, каждый встречный видит в нем но-вичка. В кругу идущих иногда рож-далась острая шахтерская шутка, звелела раскатистым смехом, аты-хивала огоньками в глазах, очер-ченых долго не смылающиеся угольной черноты.

— Вот и шахта наша, — сказал комсорг.

— О-о! А я думал, это клуб мид театр. — Леонид остановился, что-бы лучше осмотреться. Широкая улица расстилается до самых стей двох огромных белых зданий. Как река перед зеленым островом, ули-ца разделяется надвое, схватывает сквер и ведет к воротам шахты. В середине «пустыней» поляны, перед воротами, на высоком пьедестале — устремленный вперед Киров. Прямо у руку он простер навстречу бесконечному потоку людей, приветст-вует их, а левую, крепко связаво-ую в кулак простую рабочую фу-ражку, спрятав за свою шароченную спину.

Леонид взглянул в мужественное лицо Кирова и почувствовал, как постепенно исчезает тревога. Киров будто говорил ему:

— Смелее к цели! Любые трудно-сти преодолите.

(Окончание следует).